

ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО МИНОЙСКОГО КРИТА ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Успехи археологического изучения стран Средиземноморского бассейна позволили по достоинству оценить такой важный исторический источник, как богатейшая по содержанию античная традиция, зафиксированная в трудах греческих и римских авторов. Ее данные во многих случаях создают необходимую основу для правильной интерпретации конкретных результатов, полученных при раскопках древних поселений, святилищ, погребальных сооружений. И хотя в отношении проверки принципиальной достоверности сведений, сообщаемых легендарно-мифологической традицией, первое слово принадлежит археологии, после того как соответствие их реальным историческим фактам подтверждается археологическими материалами, скрупулезный разбор данных традиции дает возможность получить очень важную дополнительную информацию о многих сторонах жизни народов, населявших в древности берега Средиземного моря. Особенно это относится к явлениям духовной культуры, реконструкция которых на основании исключительно археологических данных зачастую затруднена или даже вообще невозможна.

При этом главное требование — тщательность и методическая точность работы с материалом (принципы подобной работы к настоящему времени достаточно хорошо разработаны¹).

Факт отражения исторических реалий минойского Крита в античной традиции, как известно, подтвержден данными археологии. Важнейшие события догреческого периода истории острова, упоминаемые в сочинениях греческих и римских авторов, приурочиваются, как правило, к царствованию Миноса (или Миносов). То, что миф о критской талассократии при царе Миносе так или иначе отразил ситуацию на Крите и в прилегающих к нему районах Эгеиды в XVI — первой половине XV в. до н. э., признает подавляющее большинство специалистов. Расхождения во мнениях имеют место главным образом в оценке масштабов распространения минойской экспансии в Восточном Средиземноморье².

¹ См., например, *Vansina J. De la tradition orale. Essai de méthode historique. Tervuren, 1961.*

² Из работ последнего времени, в которых затрагивается данная тема, следует особо отметить опирающуюся на археологический материал статью П. Уоррена: *Warren P. Minoan Stone Vases as Evidence for Minoan Foreign Connexions in the Aegean Late Bronze Age. — Proceedings of the Prehistoric Society, 1967, v. XXXIII, Cambr., 1968, p. 37—56.* См. также: *Buck R. J. The Minoan Thalassocracy re-examined. — Historia, 1962, Bd. XI, N. 2.*

Существование на минойском Крите в эпоху его расцвета, а именно начиная уже со среднеминойского I периода, классового общества и государства теперь также не вызывает сомнений. Иная трактовка открытых археологами на острове памятников, относящихся к первой половине II тыс. до н. э., невозможна. Данное мнение окончательно утвердилось и в отечественной науке после известной дискуссии в Академии наук СССР³. Несомненно, первоначально возникшие отдельные рабовладельческие города-государства Крита оказались к началу позднеминойского I периода объединенными под властью владык Кносса в единое общекритское государство, известное античной традиции как держава Миноса.

Греческая традиция в целом весьма высоко оценивала государственные установления минойского Крита (ср. Strabo, X, 4, 9), и не случайно последние привлекали большое внимание историков и философов Эллады. Можно догадываться, что известное Диогену Лаэртию (I, 112) сочинение «О Миносе и Радаманте», которое приписывалось знаменитому критскому мудрецу Эпимениду из Кносса, содержало в себе данные о древнейшем критском государственном устройстве. Государственный строй, установленный для критян Миносом, описывался и в другом, не дошедшем до нас и приписывавшемся тому же Эпимениду античном сочинении (правда, уже в античное время научная критика указывала на ошибочность его столь ранней датировки) — его подложном письме к Солону (Diog. Laert., I, 112), а также в одной из книг исторического сочинения Эфора, носившей название «Европа» (Strabo, X, 4, 8; 4, 16—20).

Ценность свидетельств эллинской традиции о государственном устройстве минойского Крита в принципе хорошо осознается современными историками-античниками. Но привлекаются эти свидетельства всегда лишь частично, в неполном объеме. Как правило, они приводятся для иллюстрирования выводов, полученных при анализе археологических материалов. Поэтому картина, реконструируемая только при помощи данных археологии и основанных на них же сопоставлениях уровня развития минойской культуры и древнейших цивилизаций Ближнего Востока, без дополнительной опоры на письменные источники (правда, потенциально самые важные из них, а именно памятники собственно минойского письма — критской иероглифики, линейного A и письменности Фестского диска, — к сожалению, не могут быть использованы, пока не завершена их дешифровка), выглядит очень схематичной, а попытки ее детализации носят преимущественно гипотетический характер.

Твердо установленными фактами социально-политического устройства минойского общества эпохи его расцвета признаются в настоящее время: существование единой монархии с наследственной царской властью, опирающейся прежде всего на военную силу и поддержку знати; наличие сословного деления общества, на низшей ступени которого находились рабы; формирование вокруг царского дворца сложной системы административного управления и хозяйственного учета с многочисленным штатом чиновников и писцов⁴.

Свидетельства античных авторов не только согласуются с приведенными выше общепринятыми выводами исследователей, но и существенным

³ Шепунова Т. В Академии наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре. — ВДИ, 1940, № 2, с. 204—218. Ср. Струве В. В. Общественный строй древнего Крита. — ВДИ, 1950, № 4, с. 43; *он же.* — Предисловие к кн.: Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950, с. 12 сл.; Всемирная история. Т. I. М., 1955, с. 404—410; Блаватская Т. В. Крит в XXX—XII вв. до н. э. — В кн.: Древняя Греция. М., 1956, с. 15—18; Златковская Т. Д. У истоков европейской культуры (Троя, Крит, Микены). М., 1961, с. 102—104.

⁴ Блаватская. Ук. соч., с. 17 сл.; Златковская. Ук. соч., с. 81, 84—88, 102—104; Hutchinson R. W. Prehistoric Crete. L., 1962, p. 257 f.; Hood S. The Minoans. The Story of Bronze Age Crete. N. Y. — Washington, 1971, p. 166 f.; Matz F. The Zenith of Minoan Civilization. — CAN. 3rd. ed. V. II, Part. 1, Camb., 1973, p. 571—575; Willetts R. F. The Civilization of Ancient Crete. Berkeley — Los Angeles, 1977, p. 132—134.

образом дополняют и уточняют их. Целый ряд сообщений мифолого-исторической традиции, имеющих в нашем распоряжении, касается деталей социально-политического устройства легендарной Миносовой державы. Количество такого рода данных оказывается в действительности куда большим, чем принято считать, а источниковедческий анализ убеждает в необходимости более полного их привлечения в качестве важного источника по истории государственных установлений древнего Крита. В систематизированном виде эти данные античной традиции выглядят следующим образом.

Во главе Критского государства стоял царь, которому приписывалось божественное происхождение — он считался сыном верховного божества (сыном Зевса называют владыку Крита Миноса Гомер, Гесиод, Вакхилид, Исократ, Эврипид и многие поздние писатели). Но и само верховное божество (по рационалистическому толкованию, передаваемому Диодором, это Зевс, но живший раньше Зевса Олимпийского) было, по представлениям минойцев, когда-то земным властителем Крита (Diod., III, 61, 1—2). Супруга царя равным образом признавалась дочерью божества — небесного владыки, отождествляемого греками с Зевсом Астерием (Apollod., III, 1, 2)⁵ или богом солнца Гелиосом (Vaschyl., XVII, 50 sq.; Apollod., I, 9, 1; III, 1, 2; Diod., IV, 60, 4; Paus., V, 25, 9).

С одной стороны, царь считался сыном бога: Минос и Радамант были, согласно мифу, сыновьями Зевса или Астерия (что есть эпитет того же Зевса). Но он имел и свою земную генеалогию, восходящую, как это типично для мифолого-исторических преданий, к эпониmu страны (герою или героине).

Так, Кинетон излагал родословную Радаманта в следующем виде: Радамант был сыном Гефеста, внуком Талоса, правнуком Креса (Paus., VIII, 53, 5). Имя же Крес носил легендарный критский культурный герой и древнейший царь этеокритян или куретов (Diod., V, 64, 1; Tibull., IV, 1, 8; Plin., N. H. IV, 58; Solin., 11, 5; Scymn., 542 sq.; Schol. Aristeid., Panath. 192, 18; Steph. Byz., s.v. Crete, Dorion; Clem. Alex., Strom. 380, 401; Geor. Sync., I, 196, 236), эпоним острова Крит (Eustath. and Dion. Perieg., 498). Зятем Кретея (иной вариант имени эпониma Крита) становится воцарившийся на Крите Тектам (Diod., IV, 60, 2). По другой версии, остров критян получил свое имя по героине Крете (Plin., N. H. IV, 58; Diod., III, 71, 2; Solin., 11, 5; Steph. Byz., s. v. Crete; Etym. M., 27, 24). Согласно грамматiku Асклепиаду, цитируемому Аполлодором, Крета, дочь Астерия, была женой Миноса (Apollod., III, 1, 2). По Диодору (IV, 60, 4), Крета — мать Пасифаи, жены Миноса.

Традиционное эпонимное династическое женское имя Крета, как видно, продолжали давать представительницам рода кносских царей и в ахейское время: такое имя носила дочь Девкалиона и сестра Идоменея (Apollod., III, 3, 1). Регулярная повторяемость одних и тех же царских имен, по-видимому, была характерна для правящей семьи критских «Миносидов», так же как и для многих других династий древности, средневековья и нового времени. Во всяком случае, античная традиция говорит об одноименных владыках Крита — Миносах и Радамантах, живших и царствовавших в некоей последовательности (ср. Marm. Par., 11, 19; Diod., IV, 60, 3; Strabo, X, 4, 8; Plut., Thes. 20).

Помимо небесного отца владыка минойского Крита имел и второго отца — земного: Европа, мать Миноса, Радаманта и Сарпедона, одновременно — супруга и Зевса, и критского царя, власть которого наследуют ее сыновья (ср. Lycophr., Alex. 1301; Apollod., III, 1, 2; Diod., IV, 60, 2—3; Euseb., Chron. II, p. 34; Nonn., Dion. I, 353 sq.; II, 693 sq.; Etym. M., 588, 23; Tzetz. Lyc., 1301; Schol. II., II, 292).

⁵ Одна из версий критской саги называет кносскую царицу дочерью правителя Крита Астерия (Apollod., III, 1, 2), но традиция разъясняет, что имя Астерий было эпитетом Зевса (Cedren., I, 217; Tzetz., Chil. I, 473 sq.).

Наследование царской власти обычно осуществлялось, судя по данным традиции, по мужской линии. В династических преданиях Крита, относящихся как к ахейскому, так и к доахейскому периоду истории острова, не удастся отыскать ни одного примера перехода трона по наследству через дочь или сестру прежнего царя (ср. Apollod., III, 1, 2—4; 2, 1—2; 3, 1—2; Diod., IV, 60, 2—4; 62, 1; V, 59, 1; Paus., VIII, 53, 4—5), которые столь часто встречаются в генеалогиях правителей различных областей материковой Греции II тыс. до н. э., известных нам главным образом благодаря Павсанию. Отмеченные конкретные моменты — переходящая по наследству царская власть и божественное происхождение земных владык — выглядят вполне закономерными в контексте минойской цивилизации, какой мы ее знаем по результатам археологических исследований.

Весьма типичным для древнего мира предстает в освещении античной мифолого-исторической традиции и сам характер власти минойского владыки. Властители Крита утверждали, что свою власть они получали по воле богов, и боги, как считалось, выполняли просьбы, с которыми к ним обращались критские цари (Apollod., III, 1,3). Таким образом, царская власть носила ярко выраженный сакральный характер, причем существовала вера в сверхъестественные способности правителя, обеспечивавшего процветание своей стране: недаром Гомер (II., XIII, 451) называет Миноса «охранителем Крита».

Согласно данным античной традиции, критский владыка выступал в роли жреца, лично осуществляя отправление культа в особо важных случаях. Важное значение в политической жизни минойского общества имели особые религиозные обряды, исполнявшиеся самим царем. Одним из таких обрядов было, по-видимому, «общение» с верховным божеством в горном пещерном святилище. Вероятно, сразу после завершения очередного подобного ритуала, царь публично сообщал о результатах таинственной беседы со своим небесным господином (или госпожой) и отдавал своим подданным распоряжения, как бы внушенные ему свыше. Воспоминания об этом ритуале, призванном возвысить авторитет законодательных распоряжений царя, воплотились в легенде о том, что некогда Минос принес свои законы из священной пещеры Зевса (Plato, Leg. 624 B; Diod., V, 78, 3; Strabo, X, 4, 19; XVI, 2, 38; Dion. Hal., II, 61,2).

По свидетельству Гомера (Od., XIX, 178 sq.; ср. Ps.-Plato, Minos 319 E), Минос общался с Зевсом раз в девятилетие (это место из «Одиссеи» пересказывали и толковали многие античные авторы, а также позднейшие схоластики и лексикографы). Надо думать, регулярно повторявшаяся церемония «общения» с божеством была одновременно и обрядом религиозного испытания царя. Подобный обычай периодического подтверждения правителем своих прав на власть посредством особого ритуала, восходящий к первобытным представлениям о связи благополучия всего народа с личными качествами правителя (его физической силой и выносливостью, удачливостью, способностью пользоваться постоянным расположением богов и т. д.), хорошо известен как по описаниям жизни некоторых примитивных племен у этнографов новейшего времени, так и по сакральным мифам народов, в разные эпохи истории человечества поднимавшихся к высотам цивилизации⁶. Несомненным пережитком этого же обычая было проводившееся, подобно Миносову «общению» с Зевсом, раз в восемь лет (т. е. каждое девятилетие, по счету древних греков) наблюдение за звездами с целью обнаружения неблагоприятных для правящих царей знамений, которое входило в функции эфоров в Спарте (Plut., Agis 11), заимствовавшей, по мнению эллинов, столь многое из государственных установлений Миноса.

⁶ Ср., например, древнеегипетское «праздество Сед» с ритуальным бегом фараона и умерщвление легендарного конунга шведов Домальди, описанное в «Саге об Инглингах». Другие примеры см. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980, с. 182 сл., 300—318.

Другим важным ритуалом, сопровождавшим, по-видимому, вступление очередного минойского владыки на престол, была демонстрация тем или иным конкретным образом покровительства, оказываемого богами своему венценосному избраннику: скорее всего, она выражалась в появлении благих предзнаменований в связи с жертвоприношением красавца-быка (ср. Apollod., III, 1, 3).

Благодаря традиции мы узнаем и еще об одной древнекритской религиозной церемонии, в которой в качестве главного действующего лица принимал участие царь. Супруга минойского владыки вступала в ритуальный брак с божественным быком (ср. Apollod., III, 1, 4; 15, 9; Diod., IV, 77, 1—3; Verg., Aen. VI, 24 sq.; Ovid., Met. VIII, 131 sq.; IX, 736; Dio Chrys., XXXII, 77; Schol. Eurip., Hipp. 887; и др.), аналогично тому как, по свидетельству Аристотеля (Ath. Pol. III, 5), позднее в Афинах это делала жена архонта-царя. При этом критская царица принимала облик коровы (ср. Bacchyl., XXVI, 2 sq.; Apollod., III, 1, 4; Diod., IV, 77, 1; 77, 5; Ovid., Met. IX, 739 sq.), в то время как царь, ее супруг, отождествлялся с быком (ср. Eustath. ad Dion. Perieg. 88).

В данном ритуале соединения быка и коровы царь и царица изображали священный брак верховных божеств, мужского и женского, олицетворенных в паре названных животных⁷. По сообщению Диодора (V, 72, 4), еще в его время в окрестностях Кносса, в том месте, где, по преданию, был заключен брак Зевса (Зевс Критский — похититель Европы, как известно, принимал образ быка) и Геры (имеющей у Гомера постоянный эпитет *βοῦπις* — «волоокая»), в выстроенном здесь храме ежегодно совершались не только жертвоприношения, но и церемония, имитирующая брачный ритуал в соответствии с тем, как о нем повествовал сакральный миф.

Традиция с полной определенностью говорит о сильной власти критских владык. По словам Страбона (X, 4, 8), ссылающегося на древних писателей, «Минос был самовластным владыкой, применял насилие и облагал народ данью». Образование общекритской державы воспринималось эллинскими историками как результат объединения всех существовавших ранее на острове отдельных городов-государств под властью одной династии (Diod., V, 80, 3; Strabo, X, 4, 14). Точно таким же образом рисуется картина сложения единого Критского царства с центром в Кноссе в свете археологических исследований и современными учеными XX в.⁸

Миносу традицией приписывалось разделение острова в административном отношении на три части (Strabo, X, 4, 8), каждая из которых, вероятно, соответствовала территории отдельных исторически сложившихся областей. Судя же по археологическим данным, можно говорить о существовании трех обособленных этнокультурных регионов на Крите уже в раннеминойском периоде⁹. При этом, согласно свидетельствам античной традиции (ныне полностью подтвержденным археологией), в южной части Крита роль ведущего провинциального центра играл Фест — важнейший город этого региона и прежняя столица независимого юга (ср. Strabo, X, 4, 14).

То, что при талассократии Миноса, т. е. в период апогея минойского могущества, Кносс был столицей всего Крита и царской резиденцией, четко запечатлелось в памяти греков (Hom., Od. XIX, 178; Bacchyl., XVI, 120 sq.; Herod., III, 122; Ps.-Plato, Minos 319 B; XXXIII, 10, 1; Strabo, X, 4, 7). Раскопки грандиозных руин Кносса, осуществленные А. Эвансом, подтвердили полную осведомленность на этот счет эллинской традиции. По преданию, гаванью Кносса, лежавшего в некотором отдалении от бе-

⁷ Ср. Fick A. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen, 1905, S. 127; Захаров А. М. К легенде о Миносе и Минотавре.— Гермес, 1912, с. 90—92.

⁸ Ср. Пендлабери Дж. Археология Крита. М., 1950, с. 301; Златковская. Ук. соч., с. 80 сл.

⁹ Пендлабери. Ук. соч., с. 295.

рега моря, был при Миносе Амнис (Strabo, X, 4, 8). Как показали археологические исследования (раскопки С. Маринатоса начала 1930-х гг.), этот город — морские ворота Кносса — переживал период расцвета именно во времена существования единой Критской державы.

Отмечаемый археологами на протяжении всей первой половины II тыс. до н. э. подъем экономики и увеличение населения на Крите вели не только к росту ранее существовавших городов, но и к основанию новых, о чем прямо свидетельствует традиция (Diod., V, 78, 2; Strabo, X, 4, 8). Видимо, эти города зачастую получали название Миноя — «Царский» (от корня *mi-* с наиболее вероятным значением «царь», обнаруживающегося в критском догреческом династическом имени-титуле *Mίνως*, а также в личных именах табличек линейного письма B из Кносса и документов линейного письма A: *Mi-ni-so*, *Mi-ni-to*, *Mi-nu-te* и др.). Античной традиции было известно о существовании двух Миноя на Крите (Strabo, X, 4, 3; Ptolem., III, 15, 4—5; Plin., N. H. IV, 59; Stadiasm. m. m. 344; GGM, I, Minos) и многих Миноя в других районах Средиземноморья, основанных как заморские колонии или опорные пункты критян (ср. Diod., IV, 79, 1; 79, 5; V, 84, 2; XVI, 9, 4; Paus., I, 44, 3).

Густая сеть населенных пунктов и связывавших их дорог на Крите минойского времени прослежена археологами¹⁰. Устойчивая память о многочисленных городах Крита эпохи его расцвета послужила причиной того, что он остался в сознании греков «стоградным» (Hom., II, 649) или «девятистоградным» (Hom., Od. XIX, 174).

В системе административного управления Критской державы и на самом Крите, и в заморских владениях ответственные посты занимали, как видно из сообщений античной традиции, представители правившего в Кноссе царского рода. В такой практике, разумеется, нет ничего необычного. Напротив, она представляет собой самое ординарное явление для истории древнего мира. Младшему брату Миноса Радаманту традиция отводит роль сначала главного судьи и администратора царской столицы (Ps.-Plato, Minos 320 C), а затем наместника всех подчиненных критянам областей на побережье Малой Азии и островов Эгейского моря (Diod., V, 79, 1; 84, 2—3). Другой брат царя Талос, трижды в год объезжая весь остров Крит, следил повсюду за неукоснительным соблюдением установленных Миносом законов (Ps.-Plato, Minos 320 C; Schol. Plato, Leg. 624 B).

Власть кносских владык в покоренных минойцами землях осуществляли, по Диодору (V, 79, 1—2), полномочные наместники, которые зачастую назначались из числа членов царской семьи. Так, по сообщению Фукидида (I, 4; ср. Plut., Moral. 603 B), Минос, основывая колонии на Кикладских островах, назначал их правителями собственных сыновей. По различным легендарным версиям дети или более отдаленные потомки Миноса были наместниками и ойкистами на многих островах Эгейского моря и в городах на его малоазийском побережье: на Родосе (Apollod., III, 2, 1—2; Diod., V, 59, 1—4), Фолегандрозе (Steph. Byz., s. v. Pholegandros), Сикиносе (Apoll. Rhod., I, 620 sq.; Etym. M., 712, 49), Наксосе (Anton. Lib., 30), Паросе (Apollod., II, 5, 9; Diod., V, 79, 2), Миконосе (Steph. Byz. s. v. Myconos), Делосе (Diod., V, 79, 2), Кеосе (Pind., Paean IV, 36 sq.; Bacchyl. I, 127 sq.), Андросе (Diod., V, 79, 2), Эвбее (Hom., II, IX, 668 et Schol.; Diod., V, 79, 2), Пепаретосе (Diod., V, 79, 2), Хиосе (Diod., V, 79, 1; 84, 3; Paus., VII, 4, 8—9), Лемносе (Diod., V, 79, 2), Фасосе (Apollod., II, 5, 9), в троадском Парии и Скиросе (Steph. Byz., s. v. Parion; Eustath. ad Dion. Perieg., 517; Diod., V, 79, 2), в карийском Кавне (Ovid., Met. IX, 453 sq.; Anton. Lib., 30), Милете (Apollod., III, 1, 2; Ovid., Met. IX, 443 sq.; Anton. Lib., 30; Paus., VII, 2, 5; Nonn., Dion. XIII, 546 sq.; Schol. Apoll. Rhod., I, 185; Schol. Dion. Perieg., 825), Эрифрах

¹⁰ Там же, с. 301—303.

(Diod., V, 79, 1; 84, 3; Paus., VII, 3, 7), Акаре и Агимбре (Strabo, XIV, 1, 46; Steph. Byz., s. v. Athymbra; Etym. M., s. v. Acara).

Власть минойских владык, естественно, опиралась на значительную военную силу, бывшую в их распоряжении. Военная мощь Критской державы запечатлелась в памяти народов Эгеиды. Обороноспособность самого острова Крит при талассократии Миноса античная традиция оценивала очень высоко. По представлениям греков, ни один чужеземный корабль не мог свободно пристать к Криту в Миновое царствование. Приблизиться к острову незваным гостям мешал, по преданию, бдительный страж — медный гигант Талос (Apoll. Rhod., IV, 1640 sq.; Apollod., I, 9, 26), который трижды в день успевал обежать вокруг него (ср. Apoll. Rhod., IV, 1645 sq.; Apollod., I, 9, 26; Lucian., Philops. 19; Lucian., De salt. 49; Zenob., V, 85; Schol. Hom., Od. XX, 302; Schol. Plato, Resp., 337 A).

По мнению Геродота (I, 65), некоторые детали военной организации исторической Спарты соответствовали тому, что имело место на Крите: например, наличие особых воинских подразделений численностью в два-три десятка воинов — триакад и энмотий. Однако эти общие элементы имеют наверняка не минойское, а чисто дорийское происхождение.

Диодор (V, 84, 1) сообщает, что Минос располагал большими военными силами, как сухопутными, так и морскими. Особенно часто упоминают античные авторы о военно-морской мощи державы Миноса (ср. Herod., III, 122; Thuc., I, 4; Plato, Leg. 706 B; Apollod., III, 15, 8; Diod., IV, 60, 3; 79, 1; V, 54, 4; 78, 3; 84, 1; XXXIII, 10; Strabo, X, 4, 8; 4, 17; и т. д.).

При этом важнейшей функцией военного флота минойцев была, как считали древние авторы, охрана морских коммуникаций. Недаром Миносу приписывалась активная борьба с пиратством (Thuc., I, 4). С целью обезопасить свои торговые сношения со странами Восточного Средиземноморья критяне, согласно традиции, пошли на радикальные меры: уничтожили главные базы корсаров Эгейского моря, находившиеся на Кикладских островах, а сами эти острова присоединили к Кносской державе, основав на многих из них критские апойки (Thuc., I, 4; 8, 2). Действительно, без обеспечения свободы судоходства поддерживать те регулярные связи с заморскими странами, которые Крит несомненно поддерживал в первой половине II тыс. до н. э., вряд ли было бы возможно. Поэтому критяне-минойцы не могли не предпринимать соответствующие защитные акции против пиратов, угрожавших важнейшим коммуникациям в непосредственной близости от их острова.

Существенным нововведением в судостроении критян при Миносе явилась, по мнению древних, выработка особого типа малых быстроходных судов — энакрид (Etym. M., 353, 11), причем командиры военных кораблей флота царя Миноса в совершенстве овладели тактикой морского боя, что позволяло им постоянно одерживать верх в стычках с противником. Миносу даже приписывалось изобретение самой тактики морского боя (Plin., N. H. VII, 209). Археологические свидетельства о развитии военного и торгового судостроения на минойском Крите, а также о навигации минойцев весьма многочисленны¹¹, и они хорошо согласуются с данными мифолого-исторической традиции.

Но проявления внешней экспансии Крита, по утверждению античных авторов, не ограничивались проведением исключительно акций военного характера. Непосредственная минойская колонизация была, конечно, наиболее надежным способом укрепления влияния на вновь подчиненных территориях. Античные авторы сообщают о существовании колоний критян во времена царствования Миноса на многих островах Эгейского моря (Arist., Pol., II, 7, 2). По словам Фукидида (I, 4; 8, 2), критские апойки были созданы на большинстве из них, причем местные жители, карийцы,

¹¹ *Marinatos S.* La marine creto-mycenienne. — BCH, 1933, № 57, t. I; *Петерс Б. Г.* О морском деле в Эгейском мире. — В кн.: История и культура античного мира. М., 1977.

были изгнаны. Согласно Диодору (V, 84, 1), Минос заселил большинство Киклад, поделив там землю на участки, которые распределил среди критских колонистов. Имеются многочисленные данные традиции о заселении критянами-минойцами целого ряда островов и прибрежных местностей Азиатского и Европейского континентов в Средиземноморском бассейне. Однако к настоящему времени археологи лишь частично подтвердили эти данные, хотя число археологических свидетельств минойской колонизации постепенно растет. Ясные и неоспоримые следы пребывания минойцев зафиксированы при раскопках на нескольких островах Эгейского моря, упоминаемых историческими преданиями эллинов среди колонизованных критянами — подданными Миноса (Фере, Карпатосе, Родосе, Кифере, Мелосе, Кеосе¹²), на западном берегу Малой Азии (в Милете¹³), на острове Кипр (в Энкоми¹⁴) и на финикийском побережье (в Угарите¹⁵).

В ряде случаев, по утверждению традиции, покоренные критянами народы, сохранив свою исконную территорию обитания и будучи освобожденными от обычных видов дани, обязаны были поставлять вспомогательные контингенты для военного флота кносских царей. Так, согласно Геродоту (I, 174), подвластным Миносу карийцам (лелегам), жившим на островах Эгейского моря, вменялось владыкой Крита в обязанность давать гребцов для кораблей критян. Кроме того, согласно единодушному утверждению древних авторов, имело место взимание дани с побежденных молодыми рабами и рабынями (ср. *Vacchyl.*, XVII, 1 sq.; *Isocr.*, *Orat.* X, 27; *Plato*, *Leg.* 706 B; *Apollod.*, III, 15, 8; *epit.*, I, 7; *Catull*, LXIV, 76 sq.; *Verg.*, *Aen.* VI, 20 sq.; *Diod.*, IV, 61, 3; 77, 4; *Ovid.*, *Met.* VIII, 171; *Hyg.*, *Astr.* II, 5; *Fab.* 41; *Plut.*, *Thes.* 15—16; *Moral.* 299 A; *Paus.*, I, 17, 3, 22, 5; 27, 10; и т. д.). Обе указанные формы проявления зависимости — обязательное предоставление вспомогательных воинских сил и выплата дани в том или ином виде — вполне обычны для той эпохи.

Столь же обычным и потому также не вызывающим особых сомнений в возможности его существования выглядит испытанный способ удержания в повиновении подчиненных Криту военной силой соседних племен и народов, хорошо, как видно, известный минойским владыкам. По некоторым мифолого-историческим данным, в целях обеспечения лояльности подвластных критянам местных правителей заморских территорий кносскими царями практиковалось взятие заложниками сыновей и дочерей этих правителей. Так, традиция сообщает об отправке государями подпавших под власть Крита Афин и Мегар их детей в Кнос (Apollod., *epit.* I, 7; *Diod.*, IV, 61, 4; *Plut.*, *Thes.* 17; *Paus.*, I, 17, 3; 42, 2). Причем в обоих случаях в качестве заложников выступают не кто-нибудь, а прямые наследники престола: будущий афинский царь Тесей, сын Эгея (*Plut.*, *Thes.* 13) и Перибея, дочь Алкатая, ставшая впоследствии матерью Аякса Теламонида, к которому в результате и перешла власть над Мегарами (*Paus.*, I, 42, 4). Возможно, отзвуком той же практики критских владык брать заложниками царских детей стало содержащееся в одной из версий известного мифа о Ганимеде утверждение о том, что юный троянский царевич был

¹² *Marinatos S.* Excavations at Thera. Athens, 1968—1969; *idem.* Die Ausgrabungen auf Thera und ihre Probleme. Wien, 1973; *Furumark A.* The Settlement at Ialysos and the Aegean History c. a. 1550—1400 B. C.— *Opuscula Archaeologica*, 1950; *Hope Simpson R.*, *Lazenby J.* Notes from the Dodecanese.— *BSA*, v. 57, 1962; *Coldstream J. N.*, *Huxley G. L.* Kythera: Excavations and Studies Conducted by the University of Pennsylvania Museum and the British School at Athens. L., 1972; *Caskey J. L.* Preliminary Reports on Excavations in Ceos.— *Archaeology*, 1960, 1962, 1963, 1964; *Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον*, 1961, 1962, 1964, 1965, 1967, 1968; *Hesperia*, 1962, 1964, 1966; *Warren.* *Op. cit.*

¹³ *Weickert C.* Neue Ausgrabungen in Milet.— *Neue deutsche Ausgrabungen in Mittelmeergebiet und im Vorderen Orient.* B., 1959.

¹⁴ *Dikaios P.* Enkomi Excavations 1948—1958. V. I—III. Mainz-am-Rhein, 1969—1971.

¹⁵ *Schaeffer C. F. A.* Ugaritica. V. I—IV. P., 1939—1962.

похищен Миносом (Athen., XIII, 601 F; Dyclys, II, 26; Suda, s. v. Minos; Schol. Hom., II. XX, 234).

Как уже говорилось выше, общепризнанным считается теперь в исторической науке тот факт, что критяне-минойцы к началу II тыс. до н. э. создали раннерабовладельческие государства — первые на территории Европы. К такому выводу привело ученых исследование тех многочисленных памятников материальной культуры, которые обнаружены при археологических раскопках. Однако и из сообщений античной традиции также следует, что на Крите при талассократии Миноса существовало сложившееся классовое общество со всеми присущими ему характерными чертами и атрибутами.

Ближайшее окружение критского царя, по свидетельствам античных авторов, составляли помимо членов его семьи видные сановники-военачальники (Diod., V, 79, 2; Plut., Thes. 16, 19) и чиновники-администраторы (Ps.-Plato, Minos 320 C). Видную роль в минойском обществе играло жречество (ср. Paus., II, 7, 7; 30, 3; X, 7, 2; 16, 5), и прежде всего самый древний по происхождению разряд служителей культа — куреты (Apollo-d., I, 1, 6—7; Lucret., De rer. nat. II, 611; Strabo, X, 3, 7). Миносу среди прочих установлений приписывалось отделение сословия воинов от сословия земледельцев (Arist., Pol. VII, 9, 1).

Традиция указывает и на наличие на Крите времен Миноса рабов, в частности, из числа чужеземцев — представителей покоренных критянами народов Эгеиды (Plut., Thes. 16; Moral. 299). Попавшие на Крит как военная добыча или в качестве дани пленники становились, вероятно, в большинстве своем собственностью царя — «царскими рабами». О том, что такая категория рабов была весьма важной и многочисленной в рабовладельческом хозяйстве минойского Крита, говорит факт обнаружения ее реминисценций в критской юридической терминологии I тыс. до н. э. Согласно Страбону, на Крите существовала группа зависимого населения под названием «мнои», которую он сравнивает по ее статусу со спартанскими илотами и фессалийскими пенестами (Strabo, XII, 3, 4—5; ср. Pollux, III, 83; Hesych., s. v. mnoia, mnoitai). Афиней (VII, 263 F; XV, 696 A) приводит сообщение Сосикрата о том, что термином «мнои» обозначались у критян общественные рабы. Термин «мнои — мноиты» уже давно сравнивается с именем царя Миноса¹⁶. Поскольку последнее имя, видимо, скрывает в себе в действительности минойский титул со значением типа «правитель, царь», то слово «мнои», вероятно, следует переводить как «царские» (т. е. «принадлежащие царю»). Сейчас трудно сказать, насколько категория государственных рабов мноев — мноитов связана по своему происхождению со структурой несвободного населения минойского Крита, но можно предполагать, что терминологическая преемственность является в какой-то степени отражением сходства и исторической преемственности одноименных явлений.

Многие государственные институты исторической Спарты — герусия, эфорат, корпус «всадников», совместные трапезы и общественное воспитание юношества — имели, по мнению античных авторов, своими прототипами соответствующие установления критян более раннего времени, восходящие к легендарной конституции Миноса (Herod., I, 65; Arist., Pol. II, 7, 1; 9, 2; Strabo, X, 4, 16—18; Plut., Lyc. 12).

Закономерно возникает вопрос: какие из них могли восходить к традициям минойской эпохи, а какие имели общедорийское происхождение?¹⁷ Разумеется, трудно надеяться найти в спартанских и близких им критских (дорийского времени) установлениях сколько-нибудь точное отраже-

¹⁶ Аналогичное выпадение гласного в корне *mi-ni* при позднейшей греческой передаче содержащего его минойского слова наблюдается, например, в известном критском топониме ²Αμνίσο (ср. A-mi-ni-so документов линейного письма B).

¹⁷ Казамянова Л. Н. Очерки социально-экономической истории Крита V—IV вв. до н. э. М., 1964, с. 77.

ние крито-минойских государственно-политических институтов. Однако, быть может, не совсем уж безосновательно их сравнивала греческая традиция. Скорее всего, определенное сходство в некоторых случаях имело место, но оно было сходством внешним. Так, герусии, вероятно, мог соответствовать совет глав знатнейших родов или какой-либо иной совещательный орган, в состав которого входили первые сановники государства (о том, что с царской властью в минойских городах-государствах традиционно сосуществовал постоянно действующий институт типа совета старейшин, позволяет думать, например, открытие при раскопках дворцового комплекса в Маллии сооружения со скамьями, напоминающего греческий булевтерий¹⁸).

Спартанские эфоры и соответствующие им космы дорийского Крита могли быть уподоблены чисто формально членам некоей минойской магистратской (первоначально, возможно, лишь исключительно жреческой) коллегии, а так называемые «всадники»¹⁹ — привилегированному слою населения или группе лиц, объединенных общим кругом обязанностей, например, преимущественно военного и административного характера. Однако отсутствие прямых данных письменных источников минойского времени заставляет пока ограничиться более или менее вероятными предположениями а этот счет.

Возникшее на минойском Крите государство, естественно, не могло обходиться без официального юридического оформления господствовавших правовых норм. Регулирование отношений между подданными критских владык осуществлялось, по утверждению греческой традиции, в результате применения введенного по царской воле, но внушенного свыше, мудрого законодательства (ср. Plato, Leg. I, 624 B, 632 D, 636 D; Diod., I, 94, 1; V, 78, 3; Strabo, X, 4, 8; Dion. Hal., II, 61, 2; Paus., III, 2, 4). Кодификация основных законоположений минойского гражданского и уголовного права получила свое оформление в виде свода законов, зафиксированного в письменной форме (ср. Ps.-Plato, Minos 320 C; Apollod., III, 1, 2; Solin., 11, 5) и сделанного доступным для всеобщего ознакомления: по преданию, Миносовы законы были якобы начертаны на медных досках и обнародованы по всему Криту (Ps.-Plato, Minos 320 C).

Введение первых законов на Крите (в этом отношении греки безоговорочно признавали приоритет критян перед жителями прочих островов Эгейского моря и материковой Греции) античные авторы почти единогласно связывают с именами Миноса и Радаманта, и лишь одна из версий мифа называет учредителем древнейших критских законов, наряду с Миносом, эпонима острова, культурного героя Креса — царя куретов (ср. Solin., 11, 5; Etym. M., s. v. cresphegeta; Schol. Aristeid., Panathen. 192, 18). При этом Минос и Радамант в качестве критских царей-законодателей явно дублируют друг друга в двух параллельно существовавших мифологических версиях (ср. Plato, Leg. I, 624 B)²⁰, из которых одна приписывает данную роль Миносу, а другая — Радаманту.

Согласно первой версии, именно Минос — создатель государственного строя на Крите (Cic., De rep. II, 2), ибо он установил там первые законы (ср. Plato, Leg. 630 D, 632D; Ps.-Plato, Minos 320 B; Diod., V, 78, 3; Strabo, X, 4, 19; Paus., III, 2, 4; и т. д.). По мнению Аристотеля (Pol. II, 7, 1), Минос первым привел критское законодательство в определенную систему. По словам Аполлодора (III, 1, 2), он «написал законы для критян». Поэтому Минос пользовался у греков и римлян славой как непревзойденный образец правосудия (ср. Cic., De off. I, 97; Ovid., Her. X, 69; Dio Chrys., I, 38; IV, 40; LIII, 11; и т. д.). Причем эти качества Миноса, мудрого

¹⁸ Hood. Op. cit., p. 116 f. В данной связи уместно вспомнить мнение У. Лифа (Leaf W. Homer and History. Oxf., 1915, p. 183) о том, что сообщение Гомера о 12 басилеях-соправителях верховного владыки феакийцев Алкиноя, возможно, отражает воспоминания о некоторых особенностях государственного устройства минойского Крита.

¹⁹ О них см. Андреев Ю. В. Спартанские «всадники». — ВДИ, 1969, № 4, с. 24—36.

²⁰ О единстве этих двух образов см. Poland. Minos. — RE, Hbd. 30, 1932, S. 1906.

правителя, представлялись эллинам следствием его божественного происхождения и восходящими к самому Зевсу (Plut., *Moral.* 550 B).

Вторая версия утверждала, что законы критянам дал Радамант (Apol-
lod., III, 1, 2; Diod., IV, 60, 3). По Страбону (X, 4, 8; ср. Plin., N. H. VII,
57, 2), сославшемуся на Эфора, он явился первым критским законода-
телем, а Минос лишь подражал ему. Сосикрат называл Радаманта самым
справедливым из всех людей (ср. Ps.-Plato, *Minos* 319 D). Другие грече-
ские писатели ставили ему в заслугу то, что он карал преступников и яв-
лял собой образец правосудия (Pind., *Ol.* II, 75; Plato, *Leg.* 625 A; Ps.-Pla-
to, *Minos* 320 B—C; Diod., V, 79, 1).

По третьей, компромиссной, версии оба интересующих нас персонажа
действуют вместе. Иногда традиция рассматривает Миноса и Радаманта
как соправителей (Ps.-Plato, *Minos* 318; Diod., V, 80, 3; 84, 2). Как спра-
ведливейшие из земных владык они оба наряду с Эаком после своей смер-
ти стали якобы судьями в царстве Аида (ср. Plato, *Apolog.* 41 A; Plato,
Gorg. 523 E, 524 A, 524 E, 526 B—D; Diod., V, 79, 2; Минос в качестве
судьи в загробном мире вообще очень часто упоминается античными авто-
рами, начиная с Гомера). На Крите же Минос — царь и законодатель,
а судья Радамант блюдет его справедливые установления (Ps.-Plato,
Minos 320 C; Plut., *Thes.* 16). Таким образом, древнейшие критские зако-
ны считались в конечном счете принадлежащими сразу двум братьям-ца-
рям — Миносу и Радаманту (Ps.-Plato, *Minos* 318 D; ср. Menand., *Rhet.*
Gr. X, 243, 14; Schol. Eurip., *Hipp.* 98).

Поскольку из этих двух имен личным является, по-видимому, только
имя *Ῥαδάμανθος*, а имя *Μίνως*, скорее всего, должно оказаться миной-
ским обозначением царского титула (от корня *min*), можно предположить,
что реальным устроителем общекритского государства²¹ и его первым за-
конодателем было историческое лицо — царь по имени Радамант (resp.
минойск. Ra-da-ma-te). В пользу подобной гипотезы говорит, как нам ка-
жется, и параллелизм связанных с именами братьев-двойников версий
героических сказаний критян-минойцев в их позднейшей греческой пере-
даче: Радамант известен как критский владыка, подчинивший себе многие
острова Эгейского моря и большую часть побережья Малой Азии (Diod.,
V, 79, 1), и точно так же характеризует та же традиция Миноса (Diod., V,
84, 1).

Основные положения древнейшего критского законодательства были
как будто бы известны тем греческим писателям, которые посвятили им
свои труды, к сожалению, не дошедшие до нас. О содержании некоторых
якобы относящихся к нему законов мы узнаем и из сохранившихся сочине-
ний античных авторов. Так, один из законов Радаманта, согласно Аполло-
дору, гласил: «Кто ответит ударом на несправедливый удар, не подлежит
наказанию» (Apolloed., II, 4, 9).

Восходящим к древнейшему критскому законодательству традиция
считала так называемый «Радамантов способ разрешения тяжб». Восхи-
щавшийся им Платон сообщает о нем следующее: «Радамант заметил, что
тогдашние люди твердо верили в существование богов... Вот он и решил,
что суд нельзя поручить никому из людей, но только богам; поэтому су-
дебные решения выносились у него просто и быстро. Судьям, сомневаю-
щимся в каком-нибудь деле, обвиняемый давал клятвенное заверение от-
носительно вызывающего сомнение вопроса; этим дело и кончалось быст-
ро и нерушимо» (Plato, *Leg.* 948A) ²².

²¹ Окончательное оформление Кносской державы следует относить, судя по архе-
ологическим данным, к началу позднemiнойского I периода, т. е. примерно ко второй
четверти XVI в. до н. э. (по хронологии Дж. Пендлбери, В. Милойчича и Ф. Шахер-
майра).

²² Следует отметить, что способ вынесения приговора на основании клятвенных
заверений весьма характерен для знаменитых Гортинских законов (см. *Diamond A. S.*
Primitive Law. L., 1935, p. 364 f.; Willetts R. F. Aristocratic Society in Ancient Crete.
L., 1955, p. 211—213; Казаменова. Ук. соч., с. 45).

В псевдоплатоновском диалоге «Минос» говорится, что «на Крите же к числу законов, установленных Миносом, принадлежит один такой: не пить друг с другом до опьянения» (Ps.-Plato, Minos 320 A).

Конечно, трудно теперь определить истинное происхождение приведенных «законов»: было ли оно минойским или греческим, лишь позднее освещенным традиционным авторитетом легендарного «Законодательства Миноса — Радаманта». Эти характерные для обычного права простейшие законоположения, юридические и этические предписания, могли восходить к любому из двух указанных источников. Но нет оснований сомневаться в том, что некоторые или даже многие реликты древнего минойского права, закрепленного «Законодательством Миноса — Радаманта», могли сохраняться в практике юридических отношений критян до второй половины I тыс. до н. э., перейдя к ним прямо по наследству.

Для античных авторов не подлежал сомнению тот факт, что законы Миноса продолжали применяться в определенной мере критянами вплоть до второй половины или даже до конца I тыс. до н. э. (Ps.-Plato, Minos 318 D, 321 B; Strabo, X, 4, 22). Опиравшийся на местную критскую традицию Аристотель сообщает о колонизовавших город Ликт и его область (в центральной части острова) лакедемонянах — дорийцах, что «когда они отправились основывать колонию на острове, то нашли у тамошних жителей уже организованную систему законодательства; поэтому-то и теперь еще перизки пользуются его основами после того, как Минос впервые привел его в определенную систему» (Arist., Pol. II, 7, 1).

Сохранению в памяти потомков минойцев отдельных статей «Законодательства Миноса — Радаманта», после того как пресеклась минойская письменная традиция²³, должна была способствовать прежде всего, вероятно, их относительная простота и лаконичность в соединении со специальными приемами заучивания (вспомним, что и Ликурговы ретры специально не записывались, а существовали только в устной форме). Сохранились сведения, что у древних критян было в обычае класть на музыку тексты законов для их лучшего запоминания и точности воспроизведения (Aelian., Var. hist. II, 39).

Следуя традиции, эллинистские историки и философы единодушно признавали тот общеизвестный с их точки зрения факт, что достижения первых критских кодификаторов права повлияли впоследствии самым непосредственным образом на деятельность законодателей Греции первой половины I тыс. до н. э. Согласно данным Эфора, сохранным Страбоном (VI, 1, 8), древнее критское законодательство оказало некоторое влияние на писаные законы, составленные Залевком для греческой колонии в Южной Италии — Локр Эпизефирских. Многие греческие авторы определенно говорят о заимствовании спартанской конституцией, связанной с именем Ликурга, многих своих важных законоположений из государственного устройства Крита, введенного там, по преданию, Миносом (Herod., I, 65; Plato, Leg. 631 B, 693 E, 751 D sq.; Arist., Pol. II, 7, 1; Ps.-Plato, Minos 318 D, 320 B; Strabo, X, 4, 19; Dion. Hal., I, 23, 3; Plut., Lyc. 4; Paus., III, 2, 4; Schol. Aristeid. Panathen., 192, 18). Причем данная точка зрения опиралась на местную спартанскую традицию (Herod., I, 65).

Во всех этих утверждениях несомненно отразился тот высокий авторитет, которым древние критяне (минойцы) — предшественники греков в деле создания государственности — традиционно пользовались еще долгое время после крушения минойской цивилизации.

Завершая рассмотрение интересующего нас вопроса об освещении античной мифолого-исторической традицией социальной структуры и административно-юридического оформления крито-минойского общества, мы приходим к принципиальному выводу о том, что традиция донесла до

²³ Практика параллельного использования двух форм осуществления правосудия, письменной и устной, засвидетельствована и у других народов древности (ср. Хильц В. Государство Элам. М., 1977, с. 99).

нас обширную и весьма ценную информацию о государственно-политических институтах, существовавших на Крите в первой половине — середине II тыс. до н. э. Хотя часть данных античной традиции, приведенных нами выше, относится уже к ахейскому и дорийскому этапам развития государственности на Крите, многие другие отражают вполне конкретные воспоминания об исторических реалиях более раннего периода и могут быть использованы для реконструкции картины критского государственного устройства минойского времени.

А. А. Молчанов

THE SOCIAL AND POLITICAL STRUCTURE OF MINOAN CRETE

A. A. Molchanov

The author considers the data preserved in ancient mythological-historical tradition which have to do with political institutions in the legendary Cretan kingdom of Minos. The scattered testimonies of Greek and Roman authors, when put together, reveal many characteristic features of a slaveowners' state. Part of this material relates to the Achaean and Dorian stages in the evolution of the state in Crete. Other parts reflect quite definite reminiscences of historical particulars in an earlier period and can be used for reconstructing the Cretan state structure in the Minoan period.
